

RU

Особенности звукового состава односложных корней в лексемах, репрезентирующих концептосферу «Земля, особенности земной поверхности», на материале лексики татарского, башкирского и чувашского языков

Нигматуллина Л. А., Абдуллина А. Ш., Лысова О. В.

Аннотация. Цель исследования - определить особенности звукового состава односложных корней в лексемах, репрезентирующих концепт когнитивной сферы «Природа (неживая)» на материале лексики татарского, башкирского и чувашского языков. Научная новизна работы заключается в целенаправленном системном и комплексном подходе к проблеме лексико-семантической и идеографической характеристики односложных корней тюркских языков Урало-Поволжья в рамках когнитивной сферы «Природа (неживая)». В работе впервые изучаются межъязыковые и внутриязыковые лексико-семантические гнезда татарского, башкирского и чувашского языков. Полученные результаты показали, что лексико-семантические группы отражают членение реалий окружающего мира. Сопоставительное и сравнительное изучение этих групп помогает понять различия в познании и сегментации разными языками одного и того же объекта. Это же отражает различия в материальной и духовной культуре народов.

EN

Peculiarities of the Sound Composition of Monosyllabic Roots in Lexemes Representing the Concept Sphere “Earth, Earth Surface Features” by the Material of the Tatar, Bashkir and Chuvash Languages

Nigmatullina L. A., Abdullina A. S., Lysova O. V.

Abstract. The aim of the research is to identify the peculiarities of the sound composition of monosyllabic roots in lexemes representing the concept of the cognitive sphere “Nature (Inanimate)”, using the material of the Tatar, Bashkir and Chuvash lexicons. Scientific novelty of the work lies in taking a focused systematic and comprehensive approach to the issue of lexico-semantic and ideographic characteristics of monosyllabic roots in the Turkic languages of the Urals-Volga region within the cognitive sphere “Nature (Inanimate)”. The paper is the first to study the interlanguage and intralanguage lexico-semantic groups of the Tatar, Bashkir and Chuvash languages. The research findings have shown that lexico-semantic groups reflect fragmentation of realities of the surrounding world. A contrastive and comparative study of these groups helps to understand the differences in cognition and segmentation of the same object by different languages. This also reflects the differences in the material and spiritual culture of the peoples.

Введение

Процесс постижения мира и закрепления результатов этого постижения в слове является одним из важнейших вопросов современного языкознания. Вопросы о том, как происходит процесс соединения формы и содержания, случайна ли эта связь или закономерна, мотивирована или нет, по каким направлениям идет изменение значения слова, волнуют лингвистов на протяжении длительного времени. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью системного и комплексного изучения особенностей звукового состава односложных корней в лексемах, репрезентирующих концептосферу «Земля, особенности земной поверхности» на материале лексики татарского, башкирского и чувашского языков.

Для достижения цели исследования мы ставим следующие задачи:

1. Установить коррелирующие лексические ряды для татарского, башкирского и чувашского языков в рамках когнитивной сферы «Природа (неживая)».

2. Исследовать односложные корни в данных языках в системно-семантическом аспекте.

3. Охарактеризовать через реконструкцию односложных корней, связанных с когнитивной сферой «Природа (неживая)», различное видение языковой картины мира близкородственных народов Урало-Поволжья.

В анализе исследования фактического материала были задействованы такие методы, как сравнительный, сравнительно-исторический, метод словообразовательного анализа, статистический метод.

Теоретической базой исследования послужили труды российских и зарубежных ученых, посвященные проблемам реконструкции односложных корней (Севортян, 1972; Кайдаров, 1986; Баскаков, 1979; Мусаев, 1984; Юнусалиев, 1959; Котвич, 1962; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006; Зайончковский, 1961; Кажибеков, 1986; Дыбо, 1996; Шайхулов, 2000).

Практическая значимость: материалы исследования могут быть использованы при составлении учебников и учебных пособий по исторической грамматике и лексикологии тюркских языков Урало-Поволжья; при реконструкции односложных корней татарского, башкирского и чувашского языков; при разработке лекционных курсов, семинаров по изучаемой проблематике. Фактический материал может быть полезным также и на практических занятиях по сравнительному изучению тюркских языков, при составлении этимологических и идеографических словарей тюркских языков Урало-Поволжья.

В качестве материала исследования были использованы следующие словари:

Ахметьянов Р. Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка (на татарском языке). Казань, 2001.

Гагаузско-русско-молдавский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М., 1973.

Диалектологический словарь татарского языка. Казань, 1969.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Караимско-русско-польский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М., 1974.

Кашгари М. Туркий сузлар девони («Девону луготит турк»): в 3-х т. Тошкент, 1960. Т. 1.

Ногайско-русский словарь. М., 1963.

Пекарский Э. Д. Словарь якутского языка: в 3-х т. Л., 1907. Т. 1.

Русско-башкирский словарь: в 2-х т. / под ред. З. Г. Ураксина. Уфа, 2005. Т. 1. А – О. Т. 2. П – Я.

Русско-татарский словарь / под ред. Ф. А. Ганиева. М., 1991.

Русско-татарский словарь сельскохозяйственных терминов. Казань, 1971.

Русско-турецкий словарь. М., 1972.

Русско-узбекский словарь: в 2-х т. Ташкент, 1984. Т. 1.

Русско-чувашский словарь / под ред. И. А. Андреева, Н. П. Петрова. М., 1971.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2-х т. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975-1977. Т. 1. Т. 2.

Толковый словарь современного башкирского языка / Российская академия наук; Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра. Уфа, 2004.

Толковый словарь татарского языка. Казань, 2005.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М., 1986. Т. 2. Е – М.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Чебоксары, 1996. Т. 2. С – Я.

Основная часть

Концептуальный анализ в плане выявления семантики односложных корней, а также анализ звукового состава еще не были предметом исследования с опорой на современные методологические разработки. Чтобы изучить проблемы языковой общности в лексических структурах тюркских языков Урало-Поволжья, мы анализируем лексику, опираясь на схему системной характеристики. Эта методика уже апробирована в работах известных лингвистов (Шайхулов, 2000) (синоптическая схема) и представлена тематическими группами «Вселенная», «Человек», «Вселенная и Человек» (Шайхулов, 2000). А. Г. Шайхулов (2000, с. 239) в своем монографическом исследовании «Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики» выделяет четыре когнитивные сферы в следующей последовательности: I. Природа (неживая и живая); II. Человек (как физико-биологическое существо); III. Общество; IV. Познание (априори).

Эти способы системной когнитивной характеристики послужили отправной точкой при выявлении звукового состава и идеографической парадигматики односложных корней (ОК) в тюркских языках Урало-Поволжья на общетюркском лексическом фоне.

Наш материал охватывает одну из основных вышеуказанных когнитивных сфер – «Природа (неживая)». Отметим, что изучение данной когнитивной сферы объясняется двумя причинами: характером самого системного подхода к анализу огромного лингвистического материала и спецификой системного характера идеографической и этнолингвистической характеристики односложных корней в татарском, башкирском и чувашском языках.

Наблюдения над параллельными корнями тюркских языков Урало-Поволжья в рамках анализируемой когнитивной сферы «Природа (неживая)» носят в известном смысле предположительный характер, и ввиду ограничения объема исследуемого материала были выбраны лишь те примеры, которые более или менее ярко отражают, на наш взгляд, семантическую характеристику апеллятивной лексики исследуемых языков.

Анализируемый нами материал рассматривается в двух рубриках: структурные типы **ГС** (гласный + согласный звуки и варианты) и **СГ** (согласный + гласный звуки и варианты) с различными семантическими изменениями среди глагольных и именных основ.

Мы рассматриваем концептосферу «Земля, особенности земной поверхности». Как показывают наши материалы, к данной области принадлежат лексические единицы, обозначающие такие природные явления, как «земля», «земная поверхность», «географические координаты». Они ярко отражают отношение народа к природе, т.к. тюркские народы Урало-Поволжья на протяжении тысячелетий общались с природой. Познавая таинства природы, они по-своему истолковывали и детализировали их. Эти знания о явлениях природы передавались из поколения в поколение, принимали устойчивый характер и закреплялись в языке в виде слов и фразеологизмов.

Наименования данной группы составляют один из архаических пластов лексики и представляют для исследователей ценный материал в области исторического словообразования, дают дополнительные сведения при восстановлении общетюркского языка-основы (Шайхулов, 2000, с. 284).

Семантические особенности данной лексики обусловлены явлениями природы и географическими особенностями Урало-Поволжского региона.

Поскольку в течение многих веков татары, башкиры и чуваша живут на смежной, а в ряде районов и областей и на единой территории, в одинаковых природно-климатических условиях, то в их языках существуют общие нарицательные географические названия.

Для обозначения природы, в частности для наименований земли, земной поверхности, в диалектных системах татарского, башкирского и чувашского языков Урало-Поволжья употребляются разные фонетические вариации лексем.

Для подтверждения наших данных приводим примеры и из других тюркских языков.

Из многочисленных географических терминов исследуемых языков для анализа нами выбраны лишь те, которые характеризуют поверхность земли, обозначают отдельные земельные участки и т.д., горный, равнинный и низинный ландшафты. Среди них встречаются отдельные лексемы, указывающие на характер местности и особенности рельефа.

Возвышенный рельеф

Рассмотрим толкование значений лексических единиц, обозначающих горный ландшафт, возвышенный рельеф. В Волго-Камско-Уральском регионе выделяются различные отличающиеся друг от друга физико-географические области. В частности, здесь расположены Уральские горы и Приуралье, включающие предгорья и смежные с горами равнины (Языки народов..., 1966, с. 289).

Среди **структурных типов** именной основы **СГ** (+ варианты) в качестве вариантов отмечены следующие: **СГСС** (3): 1) **тат.**: *тү-м-гәк*, *түндәк* 'кочка', 'выступ на поверхности земли' (Толковый словарь татарского языка, с. 601; Русско-татарский словарь, с. 232); 2) **баш.**: *тү-ң-гәк* 'кочка' (Русско-башкирский словарь, т. 2, с. 498) 'маленькая территория, место в болотах, низинах, покрытая зеленью' (Толковый словарь современного башкирского языка, с. 410); 3) **чув.**: *ту-м-хах*, *тумах*, *томхах*, *тумхак*, *тунках* 'кочка', 'неровный', 'бугристый' (Русско-чувашский словарь, с. 300; Этимологический словарь чувашского языка, с. 245).

Основное лексическое значение слов в сравниваемых языках абсолютно совпадает, а переносные значения частично совпадают. В корневых основах слов в связи с языковыми особенностями данных народов произошли фонетические изменения. В этимологическом плане слово образовано от корня *тү-м* ~ *тү-ң* (Краткий историко-этимологический словарь татарского языка (на татарском языке), с. 215). Ср. в других языках: монг. *тү-н-тгэр* 'выпуклый' (Тодаева, 1981, с. 209), тунг.-маньч. *то-м-тор* 'холм' (Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т. 2, с. 197).

Этимоны на **тү-/*ту-* выражают обобщенное значение 'выступ на поверхности чего-либо', например: земли, тела, горы и т.д.

Среди **структурных типов глагольной основы СГ** (+ варианты) выявлены следующие варианты: **ССГС** (**СГСГ**), **ССГС** (**СГСГСГ**), **СГССГ**: 1) **тат.** *ка-л-кып* (*тору*), *күтәрелеп тору*, *биек булып тору* 'возвышаться' (Русско-татарский словарь, с. 72); 2) **баш.** *ка-л-кып* (*тороу*) 'возвышаться' (Русско-башкирский словарь, т. 1, с. 164); 3) **чув.** *ку-р-әнса*, *палърса*, *тухса тәр* 'возвышаться' (Русско-чувашский словарь, с. 86). Ср.: др.-тюрк. *ауїз*, *аг-ы-ш* 'подниматься (вверх)', 'восходить' (Древнетюркский словарь, с. 20). Этимоны на **ка-/*ка-/*ку-* равнозначны.

Различные виды повышения земной поверхности (кочка, бугор, выступ, возвышенность и др.) носят в говорах тюркоязычных народов региона различные названия.

Нейтральный рельеф

В лексико-семантической подгруппе «Нейтральный рельеф (равнинный ландшафт)» анализу подвергаются апеллятивы, выражающие понятия: *земля*, *грязь*, *поляна*, *пыль*.

Земля представляется как средний мир между верхним и нижним, в котором существуют род человеческий, природные явления и все окружающие человека живые существа. Тюрки в пратюркскую эпоху считали землю своим обиталищем. На этой основе в дальнейшем развиваются значения 'почва', 'пространство, населенное людьми и животными'. От них отделились другие значения, например: 'место', 'пол в доме', 'постель' и др.

Земля имеет единое общетюркское название, которое существовало и до распада пратюркского языка на диалекты, что является одним из свидетельств его тюркского происхождения.

Во всех древних тюркских памятниках и современных языках отмечено одно пратюркское название Земли **je-r*, хотя в отдельных случаях, возможно, не исключается и чтение *ji-r* (Добродомов, Дыбо, 2001, с. 336-337). Рассмотрим данное название в сравниваемых языках.

Среди **структурных типов именных основ СГ** (+ варианты) в качестве вариантов выступают следующие: **СГС, СГСС**.

СГС: тат.: жи-р 'планета, вращающаяся вокруг солнца и имеющая живность'; 'поверхность земли'; 'слой', 'пласт', 'почва'; 'отдельная местность', 'место', 'площадь'; 'место, по которому ходят' и др. (Толковый словарь татарского языка, с. 779). Ср. также: тат. *ji-r*, тат. диал. *ji-r* (Добродомов, Дыбо, 2001, с. 53-54); **баш.: йе-р** (орф. *ep*) 'Земля (планета)'; 'место жизни'; 'суша'; 'почва'; 'территория, находящаяся в чьем-либо владении или пользовании, используемая в сельскохозяйственных целях'; 'страна'; перен. 'земля обетованная', 'часть чего-либо' (Толковый словарь современного башкирского языка, с. 117). Ср.: **баш. ji-r** (Добродомов, Дыбо, 2001, с. 53-54); **чув.: çĕ-р** 'Земля (планета)'; 'место жизни'; 'суша'; 'слой коры'; 'почва'; 'земная поверхность'; 'чья-либо территория' и т.д. (Русско-чувашский словарь, с. 236). Слово восходит к др.-тюрк. *йэ-р* 'земля', 'место' (Краткий историко-этимологический словарь татарского языка (на татарском языке), с. 71).

Фонетическому изменению подверглись апеллятивы в татарском и чувашском языках. Здесь наблюдается чередование согласных звуков [ж]/[j]/[ç]. Татарский звук [ж] начала слова соответствует чувашскому звуку [ç]. Кроме того, встречается чередование гласных звуков [и]/[e]/[ĕ]. Значения данных слов во всех трех языках абсолютно совпадают. Ср. в других яз.: ног., узб. **ep** 'земля' (Ногайско-русский словарь, с. 106), гагауз. **ep** 'земля', 'земной шар', 'почва' (Гагаузско-русско-молдавский словарь, с. 177). В сравниваемых языках мы наблюдаем аналогичные явления.

Этимоны на **жи-*/*йе-*/*çĕ-* выражают обобщенные значения 'место', 'местность', 'Земля как планета'.

СГСС: тат.: пы-ч-рак, ба-лчык 'глина'; 'грязь', 'слякоть (после дождя)'; 'грязь (на теле, белье)'; 'нечистота'; перен. 'безнравственность', 'бесчестность'; 'топкое место' (Русско-татарский словарь, с. 119); **баш.: бы-с-рак, ба-лсык, мате** 'глина'; 'грязь (после дождя)'; 'грязь (на теле, белье)'; 'нечистота'; перен. 'навалить грязь'; мн. 'грязи (лечиться грязями)' (Русско-башкирский словарь, т. 1, с. 254); **чув.: пы-л-чĕк, пулчĕк** 'гина', 'топь', 'грязь', 'слякоть'; 'нечистота', 'пыль', 'сор'; 'грязь на теле, на белье', перен. 'бесчестные поступки'; мн. 'грязи (лечиться грязями)' (Русско-чувашский словарь, с. 144).

В корневых основах татарского, башкирского и чувашского языков **пы-ч-рак, бы-с-рак, пы-л-чĕк** наблюдаем чередование гласных и согласных звуков. В трех сравниваемых языках прямые и переносные значения совпадают. Ср. в др. яз.: гагауз. **ба-т** 'болото', 'грязь' (Гагаузско-русско-молдавский словарь, с. 74), караим., тур. **ба-т-ак** 'болото', 'топь' (Караимско-русско-польский словарь, с. 107; Русско-турецкий словарь, с. 368), узб. **ба-т-как** (Русско-узбекский словарь, с. 80), др.-тюрк. **ба-т-каклык** 'болото'; 'озеро', 'омут' (Туркий сузлар девони, с. 58), ног. **ба-т-пак** 'болото', 'топь' (Туркий сузлар девони, с. 73).

Нужно отметить, что и в других языках наблюдаются однотипные корни. Этимоны на **ба-*/*пы-* выступают в одинаковых значениях 'грязь', 'нечистота', 'топь'.

Одно из составляющих данную лексико-семантическую группу понятие *луг* обозначается в языках Урало-Поволжского региона следующим образом:

СГСС: тат.: бо-л-ын, тугай 'открытая поляна'; 'луг'; 'пойма' (Толковый словарь татарского языка, с. 91); **баш.: бо-л-он** 'луг' (Русско-башкирский словарь, т. 1, с. 538); 'покрытая зеленью открытая ровная местность' (Толковый словарь современного башкирского языка, с. 59); **чув.: пы-л-лăх** 'поляна' (*улăх, çерем, çаран* 'луг', 'болотистый', 'заливной') (Русско-чувашский словарь, с. 325). Этимон **бо* восходит к др.-тюрк. *бу-луң* 'изгиб реки', 'дуга' (Краткий историко-этимологический словарь татарского языка (на татарском языке), с. 48).

Во всех трех языках данное слово имеет разные фонетические формы. Значения слов в сравниваемых языках полностью совпадают. Этимоны на **бо-*/*пы-* выражают одинаковое значение 'ровная, открытая поляна'. Ср. в других яз.: монг. бур. *бу-л-ангэ* 'угол', 'залив', 'бухта', **бо-л-он** 'угол' (Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т. 1, с. 119), сол. *бу-л-у* 'мыс', якут. *бу-л-ун* 'обособленная часть леса, реки, озера', 'отдельно стоящий пригорок'; 'мыс', 'долина' (Словарь якутского языка, с. 549), *bulaq* 'источник', 'канал', 'арык' (Древнетюркский словарь, с. 121). В сравниваемых примерах семантика апеллятивов неоднородна.

Именные основы, связанные с понятием *пыль*, употребляются в следующих фонетических вариантах:

СГСГС: тат.: ту-з-ан 'порошковидные песчинки, образованные от почвы, песка, камня'; 'мелкие капельки снега, воды'; 'пыльца' и др. (Толковый словарь татарского языка, с. 560-561); **баш.: ту-з-ан, саң** 'пыль'; 'пыльца' (Русско-башкирский словарь, т. 2, с. 239); 'мелкая грязь, похожая на муку' (Толковый словарь современного башкирского языка, с. 402); **чув.: ту-с-ан, то-сан** 'пыль (на одежде)'; 'пыльца' (Русско-чувашский словарь, с. 630). Слово восходит к др.-тюрк. *то-зз* 'пыль' < **то-гурзь* ~ **то-бурзь*, откуда же *то-бурзак* > *то-прак* 'почва', где этимон **то* несет в себе основную смысловую нагрузку (Краткий историко-этимологический словарь татарского языка (на татарском языке), с. 210).

Значения слов в сравниваемых языках абсолютно совпадают. Корневые основы на **ту-*/*та-* выступают в одинаковых значениях 'пыль', 'мелкая грязь'; 'разметаться', 'разбрасываться', 'быть в беспорядке'. Ср. в других яз.: др.-тюрк. *то-у* 'пыль' (Древнетюркский словарь, с. 570), калм. *то-о-си* 'пыль', тунг.-маньч. *та-к-са* 'глина', 'известь' (Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т. 2).

Среди **структурных типов глагольных корней** также отмечаются **СГ** (+ варианты) и **ГС** (+ варианты).

Вариантами первого структурного типа **СГ** выступают:

СГССГСГ, СГССГСГТ: тат.: бо-р-галану, бормалана-бормалана агу, борма-борма булып сузылу 'извиваться' (Русско-татарский словарь, с. 191); **баш.: бо-р-җолану, бормалану, бөгөлөү** 'извиваться' (Русско-башкирский словарь, т. 1, с. 407).

Вариантами второго структурного типа ГС выступают:

ГССГС: **чув.** *ав-калан, явкалан, явалан, явӑн*, относится ко второму структурному типу также: **тат.** *ай-ы-рылу* (орф. *аерылу*), *бүлену, бүленешу* 'разделиться' (Русско-татарский словарь, с. 515).

ГСГСГ: **баш.** *ай-ы-рылыу, бүленеу, бүленешеу* 'разделиться' (Русско-башкирский словарь, т. 1, с. 2).

ГСГСГС: **чув.** *уй-р-ӑл, пайлан, валеӑн* 'разделиться' (Русско-чувашский словарь, с. 641).

Этимоны на **бо-/*ав-/*ай-/*уй*- выражают одинаковые значения.

Таким образом, лексемы данной группы концепта характеризуются вышеуказанными особенностями звукового состава.

Пониженный рельеф

Когда речь идет о пониженном рельефе (низинный, углубленный ландшафт) среди **структурных типов именных основ** отмечаются варианты СГ и ГС.

Для определения понятия *канава* в тюркских языках региона употребляются следующие основы:

ГСГ: **тат.:** *ка-н-ау* 'длинная, узкая яма'; 'канава'; 'кровотечение' (Толковый словарь татарского языка, с. 229); **баш.:** *ка-н-ау* 'канава' (Русско-башкирский словарь, т. 1, с. 444); 'выкопанная длинная, узкая яма' (Серебренников, 1972, с. 153); **чув.:** *ка-н-ав* 'канава' (Русско-чувашский словарь, с. 270).

Слово восходит к др.-рус. *коновь* 'канава' (Краткий историко-этимологический словарь татарского языка (на татарском языке), с. 90); укр. *канава* является производным от *kanat* из ит. *canale* – то же. Путь заимствования не ясен (Этимологический словарь русского языка, с. 177).

Первичное значение слов в сравниваемых языках абсолютно совпадает, а вторичные значения – частично. Во всех этих языках слово претерпело фонетические изменения. Этимон **ка-* совпадает во всех трех языках и выражает одинаковые значения 'выкопанная длинная, узкая яма', 'углубление в земле'.

Понятие низменности передается в сравниваемых языках следующими фонетическими вариантами:

ГСС: **тат.:** *уй-сулык, уйсу, иңкүлек, иңкү* 'низменное место', 'ложбина'; 'влажное, сырое место' (Толковый словарь татарского языка, с. 205); **баш.:** *уй-һ-ыу, уйпат* 'низменность', 'ложбина', 'низина' (Русско-башкирский словарь, т. 2, с. 697); 'широкое пространство, расположенное в низине' (Толковый словарь современного башкирского языка, с. 426); **чув.:** *ай-л-ӑм* 'низовье', 'нижняя часть'; 'восток' (Русско-чувашский словарь, с. 410). ЛЕ *иң-күлек* восходит к древней форме *иң-кег, иң-ег* 'низменный'; ср.: тат. *иң-ү* < общетюрк. *эң-* 'понизиться' (Краткий историко-этимологический словарь татарского языка (на татарском языке), с. 78).

Значения слов в этих языках абсолютно совпадают. Этимоны на **уй-/*ай-* равнозначны. Они выражают обобщенные значения 'низина', 'ложбина', 'низменность'. Ср.: тат. диал. *иң-к-еш* 'низменность' (Древнетюркский словарь, с. 146), якут. *иң-кү* 'покатость', 'скат или склон (горы)' (Словарь якутского языка, с. 265), тат. *иң-күлек* 'ложбина', 'влажное, сырое место' (Русско-татарский словарь сельскохозяйственных терминов, с. 119), тат. диал. *иң-күлек* 'низменность' (Диалектологический словарь татарского языка, с. 245).

Таким образом, односложные корни являются общим лексическим достоянием тюркских языков Урало-Поволжья. Корневая основа в сравниваемых языках претерпела фонетические изменения в связи с развитием языковых норм.

Заключение

В языковой картине мира близкородственных народов тюркской семьи выделяется общее структурно-семантическое ядро, которое выражается не только наличием общих корневых основ, но и мотивирующих признаков, позволяющих объединить лексемы в лексико-семантические гнезда и далее рассматривать их в рамках идеографической парадигматики когнитивной сферы «Природа (неживая)».

На основании сравнительного изучения лексем татарского, башкирского и чувашского языков можно прийти к следующим выводам.

Идеографическая характеристика лексических единиц позволяет утверждать, что в сравниваемых языках первичные значения всех слов совпадают. Вторичные значения в татарском, башкирском и чувашском языках представлены по-разному.

1. Наименования, относящиеся к концептосфере «Земля, особенности земной поверхности» по видам рельефа: возвышенный, нейтральный и низменный, имеют единую или достаточно близкую мотивирующую основу в татарском, башкирском и чувашском языках, что еще раз дает возможность подчеркнуть их этногенетическую близость в историческом прошлом.

2. Анализ особенностей звукового состава односложных корней в вышеуказанной концептосфере показывает, что наибольшее количество лексических единиц относится к структурному типу СГ (+ варианты) среди именных и глагольных основ. Второе место по количеству занимает структурный тип ГС (+ варианты).

3. Сопоставительное и сравнительное изучение этих групп помогает понять различия в познании и сегментации разными языками одного и того же объекта. Это же определяет различия в материальной и духовной культуре народов.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в анализе особенностей звукового состава односложных корней и их идеографических характеристик с привлечением лексики, относящейся к когнитивной сфере «Природа (неживая)» не только других тюркских языков Урало-Поволжья, но и языков алтайского сообщества.

Источники | References

1. Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков (структура слова и механизм агглютинации). М.: Наука, 1979.
2. Добродомов И. Г., Дыбо А. В. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001.
3. Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.
4. Зайончковский А. К вопросу о структуре корня в тюркских языках: глагольные основы моносиллабического (односложного) типа С + Г (согласный + гласный) // Вопросы языкознания. 1961. № 2.
5. Кажибеков Е. З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках (явление синкретизма). Алма-Ата, 1986.
6. Кайдаров А. Т. Структура односложных корней основ в казахском языке. Алма-Ата: Наука, 1986.
7. Котвич В. Л. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.
8. Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М., 1984
9. Севортян Э. В. Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1972.
10. Серебренников Б. А. О некоторых отличительных признаках Волго-Камского языкового союза // Языковые контакты в Башкирии / под ред. Т. М. Гарипова, Н. В. Черемисиной. Уфа, 1972.
11. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э. Р. Тенишева, А. В. Дыбо, И. В. Кормушина, О. А. Мудрака, К. М. Мусаева, Ю. В. Норманской. М.: Наука, 2006.
12. Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии: материалы и словарь. М., 1981.
13. Шайхулов А. Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики (синопсис и таксономия когнитивной сферы «Природа (неживая и живая)»). Уфа, 2000.
14. Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Развитие корневых основ слов. Фрунзе, 1959.
15. Языки народов СССР: в 5-ти т. / гл. ред. В. В. Виноградов. М., 1966. Т. 2. Тюркские языки.

Информация об авторах | Author information**RU**

Нигматуллина Лейсан Андерзяновна¹, к. филол. н.
Абдуллина Амина Шакирьяновна², д. филол. н., доц.
Лысова Ольга Васильевна³, к. пед. н., доц.
^{1, 2, 3} Бирский филиал Башкирского государственного университета

EN

Nigmatullina Leysan Anderzyanovna¹, PhD
Abdullina Amina Shakiryayanova², Dr
Lysova Olga Vasilyevna³, PhD
^{1, 2, 3} Birsky Branch of Bashkir State University

¹ Nigmatullina.leysan@yandex.ru, ² aminaabdullina@mail.ru, ³ lysova_olga@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.09.2022; опубликовано (published): 10.10.2022.

Ключевые слова (keywords): односложные корни; звуковой состав; языковая картина; лексико-семантические группы; когнитивная сфера; monosyllabic roots; sound composition; linguistic picture; lexico-semantic groups; cognitive sphere.